

Когда Хань Дуй вернулся домой, вся семья оказалась в сборе. Чэнь Юэсян тут же ухватила его за рукав и засыпала вопросами:

— Сяо Жуй, люди болтают, будто ты к Ли Маньтану в гости ходил? Врут или правда?

Хань Дуй отпираться не стал:

— Ходил. И даже лапши у них откушал.

У всех присутствующих так и отвисли челюсти.

Родные уставились на него с полным недоумением. Хань Дахуа и вовсе насупился — с какой стати его сын якшается с заклятыми врагами?

— А ну выкладывай, — проворчал он глухо и сердито. — Зачем тебя понесло к этим Ли? Если не объяснишь всё как на духу, я тебе устрою!

Чэнь Юэсян тут же зыркнула на мужа и недовольно прикрикнула:

— Да можешь ты хоть раз поговорить по-человечески? Дай Сяо Жую сказать. Мальчик у нас умный, зря пороги обивать не станет.

— Пап, мне кажется, тётушка Сян права, — робко подала голос Хань Мэй. — Сяо Жуй всегда всё делает с умом, ты послушай сначала.

Хань Чжу поспешно закивала, соглашаясь с сёстрами. Хань Ган пока помалкивал, ожидая, что скажет младший брат.

— Ладно-ладно, расквохтались, — проворчал Хань Дахуа. — Выкладывай давай, Сяо Жуй.

Окинув домочадцев весёлым взглядом, Хань Дуй с улыбкой развёл руками:

— Ну чего вы так переполошились? Подумаешь, пообедал у соседей. Всё вышло случайно. Этот Ли Сяоцзян завтра собирается в коммуну разузнать насчёт набора учителей. Мне эта тема показалась любопытной, вот мы и разговорились.

— погоди, — нахмурилась Чэнь Юэсян. — Ты же вроде в активисты метил, в производственную артель? Откуда теперь учителя взялись? Что-то у тебя всё слишком быстро меняется.

— Мои планы насчёт бригады в силе, тут ничего не меняется, — успокоил её Хань Дуй. — А учителями я заинтересовался ради третьей сестры. Сяо Чжу у нас школу окончила,

образование позволяет. Вот я и подумал: почему бы не пристроить её на тёпленькое местечко?

Тут до всех наконец дошло, в чём дело. У Хань Чжу от волнения даже глаза заблестели:

— Сяо Жуй, а я и правда могу стать учительницей?

Но Хань Дахуа тут же поспешил вылить на неё ушат холодной воды:

— И не мечтай. У этого Ли Маньфу своих девок да парней полон дом, а за ними ещё племянники, родня всякая... Да даже если не они, так найдутся Лю или Чжаны. С чего бы это место вдруг нашему семейству досталось?

Энтузиазм Хань Чжу угас так же быстро, как и вспыхнул. Она сразу сникла и повесила нос.

— Пап, доля правды в твоих словах есть, — мягко возразил Хань Дуй, — но под лежащий камень вода не течёт. Попытка не пытка.

— Вот именно, попытаться-то стоит, — поддакнула Чэнь Юэсян.

— Ну и как же вы пытаться собрались? — скептически хмыкнул Хань Дахуа.

Хань Дуй вернулся к сути дела:

— Вот ради этого я и пошёл к Ли Сяоцзяну. Сами подумайте: раньше наши семьи, Хань и Ли, шли голова в голову. Одно время мы их даже обставляли. А когда мы покатались по наклонной? Как раз тогда, когда Ли Маньфу пролез в руководство производственной артели. Да ещё наши собственные родичи грызутся между собой, вместо того чтобы держаться вместе. Посмотрите, как мы живём! Любая хорошая возможность уплывает из рук, на работе вечно достаётся самая грязная и тяжёлая лямка, а в любой мало-мальски важный момент нам перекрывают кислород. Я в нашей семье — самый образованный, книг прочитал больше всех, и давно решил: так продолжаться не может. У меня есть две цели. Первая — зацепиться в руководстве производственной артели, для начала хотя бы учётчиком, а там видно будет. Вторая — сплотить весь наш клан Хань и одновременно расколоть семейство Ли изнутри.

Столь пламенная речь произвела на присутствующих сильное впечатление. В его словах крылась веская, неоспоримая правда, которая брала за душу. Родственники закивали, искренне веря, что теперь-то они всё поняли.

Чэнь Юэсян первая уловила суть плана:

— Сяо Жуй, кажется, мать тебя поняла. Ты пошёл к Ли Маньтану, чтобы через его дом начать подкапываться под всю их родню?

Хань Дуй расплылся в довольной улыбке:

— Вот за что люблю маму — всё схватывает на лету!

Хань Дахуа, уязвлённый превосходством сына, недовольно проворчал:

— Раскатал губу. Они же одной крови, двоюродные братья. С чего это вдруг чужак сможет их рассорить?

— Пап, — не остался в долгу Хань Дуй, — мой старший дядя и третий дядя тебе вообще родные братья. И без всяких козней со стороны вы друг другу глотки готовы перегрызть. Так о каком единстве речь?

Хань Дахуа задохнулся от возмущения, но крыть было нечем. Ему оставалось лишь буркнуть в сердцах:

— Ах ты паршивец! Родного отца поучать вздумал?

Чэнь Юэсян, как обычно, заступилась за сына:

— А что не так он сказал? Всё по делу.

— Пап, да не сердись ты, — примирительно улыбнулся Хань Дуй. — Я это просто для наглядности привёл. Мораль тут одна: семейство Ли вовсе не монолит. Напротив, там полно трещин, и я просто выбрал самое слабое звено. Сами посудите, что за люди Ли Маньтан со своей женой?

— Ну, Бай Юйпин баба в общем-то неплохая, — вставила Чэнь Юэсян. — Не заносчивая, сплетни по углам не собирает. Куда лучше остальных невесток в их доме.

— Ли Маньтан упрям как осёл и больно уж гордый, — добавил Хань Дахуа, — но мужик справный, подлостей от него не жди.

— Они с нами никогда не скандалили, — подытожила Хань Мэй.

Хань Ган выдал единственное, что его волновало:

— Но этот Ли Сяоцзян — парень.

В комнате повисла неловкая тишина. Все молча переглянулись, посмотрели на Хань Гана и решили сделать вид, что никто ничего не слышал.

— Ну вот видите, — продолжил направлять их мысли Хань Дуй. — Если уж подкапываться под Ли, то начинать надо именно с них. Это самый лёгкий путь.

— Да уж, — согласилась Чэнь Юэсян. — Ли Маньтан хоть и приходится Ли Маньфу двоюродным братом, да только тот ему ни разу ни в чём не подсобил. Всё себе да своим прихвостням гребёт.

Родственники призадумались — а ведь и правда. В деревне все как на ладони, чужую жизнь до нитки видно.

— Так вот, — подвёл черту Хань Дуй. — Ли Сяоцзян дал понять, что не прочь со мной дружить, и я эту удочку заглотил. Теперь наша очередь. Нам нужно проявить к ним дружелюбие и показать, что мы настроены мирно.

— Сяо Жуй, — засомневалась Чэнь Юэсян, — а не много ли чести? Стоит ли нам перед ними стелиться?

— Мам, да с чего ты взяла, что я заставлю тебя перед кем-то унижаться? — рассмеялся Хань Дуй. — Всё куда проще. Скоро Ли Сяоцзян зайдёт к нам в гости. Ваша задача — встретить его по-человечески, радушно. Слово за слово, визит за визитом — глядишь, и наладится контакт.

— Что?! — ахнула мать. — Этот малый придёт к нам в дом?

— А как иначе? — невозмутимо ответил Хань Дуй. — Я у него гостил, теперь его черёд. Обычное гостеприимство, закон вежливости.

И спорить с этим было трудно.

Посмотрев на притихших родных, Хань Дуй понял, что пришло время сплотить их вокруг одной великой идеи. Он солидно откашлялся и заговорил тоном заправского оратора:

— Отец, мама, брат, сёстры! Мой идеал — это возрождение клана Хань, а цель — благополучие и счастье всей нашей семьи и каждого нашего сородича. У каждого моего шага есть скрытый смысл. Поэтому прошу вас: помогайте мне во всём. Без вашей надёжной опоры мне в одиночку эту великую миссию не вытянуть.

Домочадцы растерянно переглянулись. К столь высокопарным речам в домашней обстановке они ещё не привыкли — масштаб слишком уж кружил голову.

Самого Хань Дуя пафос ничуть не смущал. Лозунги — дело такое: покричат немного, пообвыкнут. Для первого дня и этого с лихвой хватит, иначе у них просто мозги закипят. Главное — забросить удочку, а дальше воображение само всё дорисовать поможет.

Впрочем, зерно упало на благодатную почву. Слова Хань Дуя заставили каждого глубоко задуматься.

Хань Дахуа уже мысленно грезил о том, как после возрождения их рода односельчане начнут заискивающе кланяться ему при встрече, а глава артели станет выписывать только лёгкую и прибыльную работу.

Чэнь Юэсян вовсю фантазировала: сын — во главе бригады, дочь — всеми уважаемая учительница... С такими успешными детьми она будет вышагивать по деревне барыней, задрав нос выше крыши! Настоящая знатная дама, не чета неотёсаным бабам из семейки Ли Маньфу.

Хань Ган же думал исключительно об одном:

"Невеста, невеста... Если братишка выбьется в люди, то первым делом сосватает мне жену!"

У Хань Мэй и Хань Чжу тоже роились свои, девичьи мечты.

В ту ночь мало кому в доме удалось поспать спокойно. И лишь один Хань Дуй спал без задних ног и без сновидений до самого утра.

Едва поднявшись с постели, он первым делом забрал у старшей сестры вышитый вымпел для Федерации женщин. Затем пришла пора трясти старшего брата на предмет финансирования.

— Братец, — вкрадчиво начал Хань Дуй, — тут такое дело... Мой великий план возрождения запущен, но вот с финансами у меня сейчас туговато...

Услышав это, Хань Ган испуганно прижал ладонь к карману брюк:

— Да откуда у меня деньги? Сам гол как сокол!

Хань Дуй сокрушённо вздохнул, изображая глубочайшее разочарование:

— Эх, и у тебя пусто... А я-то надеялся сегодня заскочить в коммуну, взять пол-литра разливного да наведаться вечером к бухгалтеру Чжану. Потолковали бы по-свойски, задобрили бы его, чтобы меня поскорее в производственную артель пристроил. Представь только: стану я активистом, наш авторитет в деревне взлетит до небес! Все кумушки и тётки лопнут от зависти, а уж девки из соседних деревень на нас заглядываться станут... Но, видно, не судьба. Без гроша в кармане каши не сваришь. Придётся отложить наш триумф до лучших времён.

В душе Хань Гана завязалась отчаянная борьба. Но он всё ещё пытался сопротивляться:

— А ты у тётушки Сян попросить не можешь?

Хань Дуй посмотрел на брата как на безнадёжного глупца:

— Голова ты садовая! Расходов впереди прорва. У матери я буду просить под серьёзные дела, а из-за этих копеек даже рот открывать стыдно.

Сердце Хань Гана обливало кровью. С трудом преодолевая внутреннюю жабу, он выудил из глубин кармана потрёпанный тряпичный кошелек и со вздохом протянул купюру:

— Ладно... Держи полтинник.

Выудив у брата первые пятьдесят мао на представительские расходы, Хань Дуй тут же переключился на отца:

— Пап, я тут в коммуну собрался. У меня в кармане завалялось двадцать фэней. Может, добавишь немного, а я тебе целую бутылочку разливного привезу?

При упоминании алкоголя у Хань Дахуа сладостно заныло под ложечкой. Он воровато огляделся по сторонам и заговорщически прошептал:

— Выпить-то охота, да только мать твоя пронюхает — плешь же проест.

Хань Дуй понизил голос до того же интимного шёпота:

— Пап, ну ты чего? Я же твой сын. Мы с тобой в одной лодке, я всегда за тебя горой. Сделаем так: я алкоголь привезу, а ты его по-тихому к приятелю унесёшь и там приговоришь. Мать и не узнает ничего, я могила.

— О, а это мысль! — просиял отец. И, не раздумывая больше, щедро отсыпал ещё полтинник.

Таким образом, бюджет операции вырос до внушительного одного юаня. Прихватив вымпел и деньги, Хань Дуй отправился за Ли Сяоцзяном. Тот уже стоял у ворот при полном параде, дожидаясь попутчика.

Парни бодро зашагали прочь из деревни. На полпути им попался навстречу бухгалтер Чжан. Завидев столь колоритный дуэт, старик многозначительно ухмыльнулся:

— Ого, никак вы вдвоём куда-то наладились?

— Да вот, в коммуну решили прогуляться, — весело отозвался Хань Дуй. — Дорога неблизкая, вдвоём веселее, хоть потрепаться есть о чём.

А затем, как бы между прочим, добавил:

— Кстати, бухгалтер Чжан! Отец сегодня велел мне за хмельным сходить. Приходите вечером к нам, пропустим по маленькой.

Бухгалтер опешил от такого напора и замахал руками:

— Да ну что ты, не стоит, не стоит!

Но его вежливый отказ Хань Дуй даже слушать не стал.

— Да бросьте вы скромничать, бухгалтер Чжан, свои же люди! Считайте, договорились. Вечером мы с отцом со своим добром прямо к вам и завалимся.

Не дав собеседнику опомниться, Хань Дуй увлёк за собой Ли Сяоцзяна и зашагал дальше по дороге, насвистывая весёлый мотив.

Опешивший бухгалтер Чжан остался стоять на обочине с открытым ртом, глядя им вслед.

<http://bllate.org/book/19655/1979428>